Подсокольник

На гора́х-ли, гора́х-ли да на-й укатистых,
На крутых горах да на желты́х песка́х
Да там стоял шатёр нов белополотняной,
Тут стояли могуции боґатыри́,
Да берегли-стерегли стольне Киев-град,
Да стольне Киев-град,
Да славной Киев-град,
Да стольнё-киевской.
Да во первы́х-то был здесь старо́й коза́к,
Да стар козак да Илья Муромец,
Да Илья Муромец да сын Иванович.
Во вторых-ти был Добрыня Никитич млад,
Да как во третьих был Олёша Попович же,
Как ведь был Саксон да Колыбанович,
Как ведь было два брата, да два Суздальця,
Как ведь был с има́ мужик с ими — Залешинен.
Как стояли они под городом тридцеть лет —
Не видали зверя прохожего
Да ясна сокола пролетучего.
Как на утре-то было нонь ране́шенько,
Да на светло́й зори да ранней утреннёй,
На воскате солнышка красного,
Как вставал-то стар со постелюшки,
Да-й умывалса он да ключево́й водой,
Утиралса полотёнышком он беленьким,
Да помолилса Спасу он Превышному,
Да Божьей Матушки да Боґородицы,
Выходил-то на улицю широкую,
Да он смотрел и здрел во все стороны.
Да посмотрел под сторону под летнюю —
Там стоят озёра всё глубокия,
Да пролегли-то лужка да все зеле́ныя;
Посмотрел под сторону да под западну —
Да там белеют церкви да все соборныя,
Да ищё слышно звоны колокольныя;

Посмотрел под сторону под се́верну —
Да там не туценоцка, братцы́, затучила,
Да как не облако не нокатилоси:
Да как не в копоти, в тумане зверь бежит,
Да не знать — зверь бежит, да знать — сокол летит;
Да впереди-то бежит да серой волк,
Да позади бежит да вохра́бейщина.
Да как Сокольник едет-потешаетця,
Да под конем Змея да извиваетце,
Да у коня хвост трубами завиваетце,
Да из ушей у коня да дым столбом вали́т,
Да как из глаз у коня искры сыплютси,
Из ноздрей у коня да пламё мецетця.
Да на право́м плену да сидит млад ясе́н соко́л,
А на лево́м плецу — да млада кречета.
Да голова у него — да как пивно́й котёл,
Да как глаза у него — да как пивны́ чаши́,
Да промежу́ уша́ми — калена́ стрела́,
Да промежу́ глаза́ми — пядь бумажныя,
Плеци была у его — косая саже́нь,
Косая саже́нь да ведь пецатная.
Впереди сам стрелочку выстреливāт,
А на подъезде стрелочку подхватывāт,
До земли́ стрелу́ не выранивал,
Да к им на за́ставу не провёртывал,
Проезьдивой дорожецьки не спрашивал,
А и сам из слов пора́ту выхваляетця:
«Коґда буду во го́роде во Киеве,
Да самого́ князя́ я голову́ срублю,
А кнегину Апра́ксею за себя возьму́,
Да малых детоцек да тех конём стопцу,
Да уж ведь Божьи церкви те под дым спущу,
Да чу́дны о́бразы все копьём повы́колю!»
(Разорить хочет!)
Забега́л тут стар да во бело́й шатёр.
Да не успел он слова нонь провымолвить —
Да пролетела полени́ца зла-уда́лая.
Да говорит тут стар да таково́ слово́:
«Да не докуль вам спать — да пора́ става́ть!

Я уж был на улице широкоей,
Я смотрел и зрел во все четыре стороны:
Посмотрел под сторону под летнюю —
Там стоят озёра все глубокия,
Да пролегли лужка да все зеле́ныи;
Посмотрел под сторону под за́падну —
Да там белеют церкви все соборныя,
Да еще слышны звоны колокольныи;
Посмотрел под сторону под северну —
Там не туценька, братцы́, затуцилась,
Да как не облако да накотилоси:
В копоти́, в тумане́ не знать — зверь бежит,
Да не знать — зверь бежит, не знать — сокол летит;
Да впереди-то бежит да ище́ серый волк,
Позади бежит да вохрабейщина.
Да как Сокольник едет, потешаитце,
Да под конём Змея да извиваетце,
У коня хвост трубами завиваетця,
Как из ушей у коня да дым столбо́м вали́т,
Как из глаз у коня да искры сыплютса,
Да из ноздрей у коня да пламё мёцитсе.
[Да на право́м плецу да сидит млад ясе́н соко́л,
А на лево́м плецу — да птица кре́чета.
Да голова у него — да как пивно́й котёл,
Да как глаза у него — да как пивны́ чаши́,
Да промежу ушами — калена́ стрела,
Да промежу́ глаза́ми — пядь бумажныя,
Плеци были у его — косая саже́нь,
Косая сажень да ведь пецатная.
Впереди сам стрелочку выстреливā́т,
А на подъезди стрелочку подхватывā́т,
До земли́ стрелу́ не выранивал,
Да к нам на за́ставу не провёртывал,
Проезьдивой дорожецьки не спрашивал] —
Уж и сам пора́ту выхваляетця:
«Да когда буду во городе во Киеве,
Са́мого князя́ голову́ срублю,
Да как кнегину Апраксею за себя возьму́,
Да малых детоцек — тех конём стопцю,

Уж ведь Божьи церкви все под дым спущу,
Да чудны́ о́бразы копьём повыколю!»
Да кого послать да позади за ей?
Да послать-то Олёшу ведь Поповиця —
Да тот вить пора́ту загрезовый был:
Забредёт Олёша не в свою ровню́ —
Да потерят Олёша бу́йну голову.
Как послать Саксона Колыбановых —
Да уж тот ведь родов-то все соньливых:
Он ведь ле́гет спать — да нонь забудёт встать.
Как послать Добрынюшку Никитиця —
Да как умёт Добрыня в поле съехатьсе,
Да как умёт Добрыня прирозъехатьси,
Да как умёт Добрыня паленицы цесь воздать!»
Говорит Добрыня таково́ слово́:
«Да уж едет ведь палениця — уж ведь не мне цета́,
Да как не мне цета́ и не мне верста́,
Мне уж с им не супротивитьси!»
Как Добрыня стал да срежатися,
Стал срежатися да сподоблетися,
Надева̄т-то латы он булатныи,
На шею кольцугу позолочену.
Да он берёт-то палицю железную,
Да он берёт-то сабельку вострую,
Да он берёт копьё то бурзамецкое,
Да он берёт ножи́що да чинжалищо.
Как обседлыва̄т ему да добра́ коня́,
Да кладут войлоцки, кладут на во́йлоцки,
Да кладут плотницки, кладут на плотницки,
Да двенадцеть пряж — через хребе́тницу,
Как тринадцета — церез могуцу степ.
Да это не ради басы́, а ради крепости:
Не оставил бы конь да на чисто́м поли́!
Помолилса Спасу он Превышному,
Да Божьей Матушки да Боґородицы,
Да они дружка с дружкой распростилиси.
Только видели: да на коня скочил,
На коня скочил да в стремена вступил —
Да как не видели побежки лошадиныя,

Поездки боґатырския.
Да он и бьёт коня да по тучны́м бедра́м:
«Да уж ты конь да конь — да лошадь до́брая,
Да ты волчья сыть да травяной мешок!
Да догоняй того поганого Сокольника
До того до города до Киева,
Скаци — с шёлумя, скаци — на шёлумя,
Ты с крутых-то гор да на желты́ пески́,
Да ты с желтых песко́в да на круты́ горы́,
Быстры реценьки да не заста́ивай,
Да уж ты мелкий лес да между ног пусти́!»
А Сокольник в поле уж шатаетси,
Не знать, кого он дожидаетси.
Как скрычал Добрыня громким голосом,
Зычным голосом да во всю голову.
Да он ведь он раз вскрычал, да он в другой вскрычал,
А на третий раз Сокольник коня сдержал.
Да засвистел Сокольник по-соловьиному,
Да запрыскал Сокольник по-змеиному —
Да у Добрыни конь стал подпинатиси,
А Добрыня на коне чуть жив сидит.
Отворачивал он добра́ коня,
Да ведь он бьёт коня нынце безвременно:
«Да уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая,
Унеси от поганого Сокольника!»
Да приезжат Добрыня ко белу́ шатру́,
Да как встречают тут русскии боґатыри,
Да говорит тут стар да таково́ слово́:
«Да ты гой еси, Добрыня Никитич млад,
Почему не привёз буйну голову на востро́м копье?»
Говорит Добрыня таковы́ слова́:
«Уж едет паленица — не мне чета,
Не мне чета и не мне верста,
Как уж мне ведь с ним не супротивитьця!»
Как могуци плеця расходилиси,
Да ретиво серцё да разгорелоси,
Из глаз-то слезы прокатилиси:
«Верно, некем мне, старому, заменитиси!»
А скоре́шенько да стал срежатиси:

Да стал срежатиси да сподоблятиси,
Да надева̄т-то латы он булатныя,
Да как на шею кольцугу позолочену,
Он берёт-то палицу железную,
Да он берёт-то сабельку нонь вострую,
Да он берёт копье да бурзамецкое,
Да он берёт ножи́що нонь чинжалищо.
Ему обседлыва̄т ноньце добра́ коня,
Да кладут войлоцки, кладут на войлоцки,
Двенадцеть пряж — через хребе́тницу,
Тринадцета — через могучу степ.
Это не ради красы, да ради крепости:
Да не оставил конь на чисто́м поли́!
Помолилса Спасу он Превышному,
Да Божьей матушки да Боґородицы.
Да оне ведь дружка с дружкой распростилиси,
Да только видели — да на коня скоцил,
Да на коня вскоцил да в стремена ступил,
Как не видели да побежки лошадиноей,
Как не видели поездки боґатырскои.
Как он ведь бьёт коня ноньче безвременно:
«Да уж ты конь-то, конь — да лошадь добрая!
Догоняй поґаного Сокольника
До того до города до Киёва.
Да скаци — с шёлумя, скаци — на шёлумя,
Ты с круты́х-то гор да на желты́ пески́,
Да ты с желты́х песков да на круты́ горы́,
Да быстры реценьки да не застаивай,
Как широкие долы хвостом застилай,
Как мелкой лес промёж ног пусти!»
Как Сокольник в поли уж шатаетце,
Да как не знать, кого он дожидаетцы.
Закрычал тут стар да громким голосом,
Да громким голосом да во всю го́лову.
Да он ведь раз вскрычал, да он другой вскрычал,
Как на третий раз Сокольник коня сдержал.
Засвистел Сокольник по-соловьиному,
Да запрыскал Сокольник по-змеиному.
Как от того свиста соловьиного,

От того прысканья змеиного
У старого конь пал наóкорочь.
Говорит тут стар да таковó словó:
«Уж ты конь да конь — да лошадь добрая!
Не слыхал ты свисту соловьиного,
Не слыхал или прысканья змеиного,
Али слышишь ты надо мной какý невзгодушку?..»
От того от крыку боґатырского
Лес весь в поле расшатался,
Вершины с вершиной сплетались,
Звери в норы попрятались.
Говорит Сокольник таково слово:
«Мы таперь со старым съехались,
По добру нам будет не разъехаться!»
Вот стал отпущать он от себя зверей:
«Уж ты гой еси, серóй как волк!
Поди-тко ты ко синю́ морю́,
Ищи там хозяина поласковей,
Да как поласковей да и поприятливей.
Ты пойди-ко, Змея, ко синю́ морю́,
Да там ищи хозяина поласковей,
Да как поласковей да поприятливей.
Да ты полети, сокол, ко синю́ морю́,
Да там ищи хозяина поласковей,
Да как поласковей да и поприятливей:
Как топерь мы с старым съехались,
Подобру нам с старым не розъехатьси!»
Да ведь тут он с им съехались,
Они бились палками железныма —
Да как по рукояткам палки поломалися:
Да друг дружку не ранили,
Не ранили и не кровавили.
Тот бой бросали óземлю.
Они секли саблями вострыма —
Да как сабли все поломалися,
Да поломалися и пощорбалися:
Да они дружка дружку не рáнили,
Как не ранили да не кровавили.
Да они тот бой бросали ведь óземлю.

Они тыкались копьями немецкима —
По насадкам копья у них поломалиси,
Поломалиси и выверталиси:
Дружка дружку не ранили,
Как не ранили да не кровавили.
Да уж ведь тот бой бросали о́ землю.
Они слезли нонь да со добры́х коней,
Они стали биться на рукопа́шицю.
У того Сокольника поганого
Да была подщапоцка дворянская —
Да он ведь сшиб-то старого с резвы́х-то ног.
Как ведь падал стар на сыру́ землю́,
Да как заскакивал Сокольник на белы́ груди́ —
За воло́сья рвет да и во глаза плюёт:
«Да не докуль тебе, старому, по цисту́ полю́ да волоцитиси!»
Он росстёгиват латы булатныи,
Да вынимат ножищо нонь чинжалищо,
Да ведь он хочет пороть у старого груди белыя,
Да как смотреть он-то его ретиво́ сердце.
Да взмолилса стар да Матушки,
Божьей Матери да Боґородицы:
«Уж ты, Матушка, Пресвета ты Мать Боґородиця!
Да как стоял я за церкви Божия,
Да за ту за веру православную,
А ты сдала меня поґаному Издолищу на изги́ленье,
Да как серы́м волка́м на раста́рзанье,
Чёрным во́ронам да нонь на ку́рканье!..»
Да нонь вдруг стар в себе да почувствовал —
Вдвоем-втроем силы прибыло.
Он вывёртывалса из-под Сокольника,
Да он хватал-то он его за черны́ кудри́,
Да он бросал его-то он о сыру́ землю́,
Да как все ведь мелкии суста́вы повы́дробил.
Да заскакивал ему на черны́ груди́,
Он росстёгивал латы булатныи,
Вынимал ножищо он чинжалищо,
Как ведь хочет пороть ему груди́ чёрныя,
Да ведь смотреть-то его ретиво́ серцё.
Замахнулса стар да во первой нако́н —

В плецю рука да устояласи.
Он стал [его] допрашивать:
«Ты какого роду-ка, коего племени,
Ты какого отца, коей матери?»
А говорит Сокольник таково́ слово́:
«Коґда я был таперича на твои́х грудях,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Не отецесьва, не молодецесьва,
Да я порол бы у тебя гру́ди белыя,
Смотрел бы у тебя ретиво́ сердцё!»
Замахнул тут старый во второ́й након —
Во локтю́ рука да устояласи.
Тут-то опять стар стал допрашивать:
«Ты какого рода, коего племени,
Ты какого отца, коей матери?»
Говорит Сокольник таково́ слово́:
«Коґда я был таперича на <т>воых грудя́х,
Я не спрашивал ни роду, ни племени,
Не отецесьва, не молодецесьва,
Да я порол бы у тебя гру́ди белыя,
Да я бы смотрел у тебя ретиво серцё!»
Замахнулся старый во третье́й нако́н —
В кисти́ рука да устояласи.
(Нож совсем выпал.)
Тут опять стал допрашивать:
«Ты какого рода, коего племени,
Ты какого отца, коей матери?»
Говорит Сокольник таковы́ слова:
«Как ты стал ведь меня допрашивать,
Да как допрашивать да стал выведывать:
Я от того от мо́рю от си́него,
Да от той от девки от Ваты́горки.
Поеждял да когда да во чисто поле,
Говорила мне родна матушка:
„Не наедешь ли на русского казака
На Илью Муромца?
Он-ён будет тебе отец!”»
Он и поднял его с сы́рой земли и поцеловал:
«Ты будешь мне не поклёпный сын!»

Посадил его на добра́ коня,
А он уж не может и конём владать.
Вот они тут и розъехались.
Сокольник поехал ко синю́ морю́,
А старый казак ко белу́ шатру́.
Приезжал старый во бело́й шатёр,
А русскии боґатыри уехали,
Вот он ложилса отдыхать.
Приезжает Сокольник ко синю́ морю́,
Да встречает его родна матушка:
«Да уж ты не наехал ли на стараго на ка́зака?»
Говорит Сокольник таково слово:
«Да он тебя зовёт своей наложницей,
Да меня зовёт своим выб<лядком>».
Тут он и сколол матушку копьём,
Поворачивал он добра́ коня́ —
Да приезжает он ко белу́ шатру́,
Ко белу шатру да боґатырскому.
А тут стар с побоища спал.
Забежал тут Сокольник во белой шатёр,
Как ведь ткнул Сокольник во белую грудь!
Да был у старого на груди чудён ведь крест,
Да как не мал, не велик — полтора́ пуда́.
Пробужал тут стар от крепко́го сну,
Выбежал он на улицу широкую —
Как садитса Сокольник на добра́ коня́...
Тут стар его по руки и ноги и ро́зорвал.
Тут Сокольнику смерть случилася.

(Зап. А. М. Астаховой 30 июня 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.